

Чэнь Цин остановил И-и и с недоумением спросил:

— Сюй Гань — брат Чжифэна? Что вообще происходит?

И-и в общих чертах рассказал ему, что одной из целей приезда Тань Чжифэна в Кайфын был поиск родственников, и теперь «все доказательства указывают» на то, что его брат — это Сюй Гань, и они уже «радостно» признали друг друга.

— О... — Чэнь Цин, казалось, всё ещё сомневался. И-и уже собирался уходить, как тот снова спросил: — Кстати, ваш хозяин... он договорился с кем-нибудь встретиться в день зимнего солнцестояния? Он тебе что-нибудь говорил?

И-и равнодушно покачал головой. Чэнь Цин, казалось, вздохнул с облегчением, но в то же время был немного разочарован:

— Ладно, тогда принеси ещё порцию маринованного лопуха.

И-и развернулся и пошёл на кухню. Тань Чжифэн заворожённо смотрел на котёл с кипящим белым бараньим бульоном. И-и щёлкнул пальцами у него перед ухом:

— Тань Чжифэн, очнись.

— О, понял! — Тань Чжифэн в панике потянулся за лапшой, чтобы бросить её в котёл, но коснулся края и обжёг руку. И-и, вымыв руки, сам взял нарезанные порции лапши и бросил их в бульон, искоса глядя на него: — Тань Чжифэн, почему ты такой никчёмный?

— Это не моя вина, — Тань Чжифэн дул на руку, и покраснение быстро прошло. Вылавливая лапшу, он сказал: — Сюй Гань хочет купить это заведение и соседний двор. Ты разве не удивлён?

— Не так, как ты, — И-и взглянул на него. — В его глазах вы теперь семья, разве вы не должны жить вместе? К тому же, он и так говорил, что собирается сюда переехать.

— Да... но... — Тань Чжифэн с трудом поставил две большие миски с лапшой на деревянный поднос, готовясь вынести их. — Я всё ещё не знаю, как с ним себя вести. К тому же, что если он спросит меня о делах в области Куйчжоу? Где я ему возьму отца и мать?

— Быстрее, Чжифэн, чего ты возишься?! — вбежала и Чжочжо, торопя Тань Чжифэна выносить лапшу. Тот с безнадёжностью вздохнул и, подняв тяжёлый поднос, покинул кухню.

— Двести семьдесят связок, — с кислой миной сказал Чэнь Дафу. — Сюй Гань, это уже слишком. Честно говоря, если бы этот дом не пустовал после смерти старика Чжана, мой господин ни за что бы его не продал. К тому же, старик Чжан умер не здесь, эх! Повезло вам двоим, а вы всё недовольны!

— Двести пятьдесят, — настаивал Сюй Гань. — В соседнем доме одна из двух комнат обрушилась. Пойдём со мной, посмотришь.

— Ох, чёрт побери! — Чэнь Дафу ударил себя в грудь. Двести пятьдесят связок были его пределом, это означало, что он не заработает ни медной монеты, но сейчас, лишь бы избавиться от Сюй Ганя, он был готов доплатить связку монет. Вытирая пот, он достал купчую, а затем уставился на узел Сюй Ганя, словно боясь, что внутри камни.

Сюй Гань холодно усмехнулся, достал из-за пазухи несколько банкнот из банка Великой Сун номиналом в сто связок, положил две на стол, а остальные убрал обратно, после чего пнул к нему мешок у своих ног:

— Остальное считай сам.

Чэнь Дафу привык командовать, где ему приходилось терпеть такое обращение? Но под ледяным взглядом Сюй Ганя ему пришлось проглотить недовольство, сесть на пол, развязать мешок и начать считать.

Через полчаса Чэнь Дафу, таща на спине полмешка медных монет и держа в руках ещё две банкноты, уныло покинул таверну Чжифэна. На столе перед Сюй Ганем и Тань Чжифэном лежали две купчие: одна на это заведение, другая — на соседний дворик.

— Возьми, — Сюй Гань подвинул обе купчие к Тань Чжифэну. Тот хотел было отодвинуть их обратно, но его остановил взгляд Сюй Ганя. Ему оставалось лишь позвать И-и и попросить его аккуратно убрать эти купчие, вызвавшие столько шума.

Во второй половине дня Сюй Гань нанял повозку, привёз простую мебель, несколько комплектов своей и Лин-эра одежды и сложил всё в соседнем дворе. Затем, неизвестно откуда, он нашёл несколько человек, и они с энтузиазмом принялись чинить полуразрушенный дом.

Когда Тань Чжифэн вошёл во двор, Сюй Гань сам месил глину. На нём была лишь тонкая нижняя рубаха, рукава закатаны, и его красивые и плавные мышцы напрягались от усилий.

Тань Чжифэн осторожно перешагнул через разбросанную черепицу и подошёл, осматривая стройплощадку. Сюй Гань, увидев Тань Чжифэна, с улыбкой отбросил палку для размешивания глины, взял его под руку и повёл в восточную комнату, сказав:

— Впредь ты будешь жить здесь.

По сравнению с пыльным двором, эта комната была убрана дочиста, словно райский уголок. Послеполуденное солнце светило через маленькое окошко на эбеновый столик, и в лучах света плавали пылинки.

Тань Чжифэн посмотрел на противоположную сторону и вдруг вспомнил о серьёзной проблеме.

— А ты? — спросил он.

— Пока там не починят... — Сюй Гань выглянул наружу, затем посмотрел на Тань Чжифэна. — Мы с Лин-эром пока потеснимся у тебя. Ты с Лин-эром будешь спать на кровати. А я постелю себе внизу.

У Тань Чжифэна в голове всё так смешалось, что он даже забыл отказаться. Конечно, выражение лица Сюй Ганя и не предполагало отказа. Он в смятении вернулся и рассказал об этом И-и и Чжочжо. Чжочжо восторженно выпучила глаза:

— Сожительство! Тань Чжифэн наконец-то сделал первый шаг к прощанию с трёхтысячелетним девственничеством!

Лицо Тань Чжифэна залилось краской. Он указал на Чанчана и Лин-эра, которые всё ещё мяли тесто снаружи:

— Дети слушают! Лин-эр, он не видит, а не слышит. Можешь не упоминать мои... мои личные проблемы! Я хочу, чтобы вы помогли мне придумать, как отказаться! Я не хочу жить с Сюй Ганем!

— Ты не хочешь? А по-моему, ты очень взволнован, — сказал И-и.

— Я правда не хочу, — Тань Чжифэн был в унынии. — Я смирился, он считает меня своим родным братом, он переезжает, я всё обдумал, в целом плюсов больше, чем минусов. Но жить в одной комнате я действительно не могу.

— Чего ты боишься? — И-и пристально смотрел в глаза Тань Чжифэна. — Боишься, что не сдержишься? Ты себя недооцениваешь. Боишься, что он не сдержится? Ты себя, кажется, немного... переоцениваешь?

— Это не при чём, — Тань Чжифэн совсем запутался в словах И-и. — Я просто хочу держать с ним некоторую дистанцию, — он с унынием убирал посуду на кухне. — Я не хочу повторять старых ошибок. Я не могу играть слишком важную роль в его жизни, иначе это никому не принесёт пользы!

— Ты уже его родной брат, что ещё может быть? — двусмысленно сказал И-и. — Эта роль недостаточно важна?

— Это другое, я же не его настоящий брат! — Тань Чжифэн яростно мыл тарелки, осторожно выглядывая на детей. Понизив голос, он сказал: — Когда уйдём Бо, мы уйдём. Я думаю, если повезёт, это будет почти как перерождение. Раньше, возможно, его душа слишком недолго была в чужом теле и не успела стабилизироваться, как её убил Бо. На этот раз, если он сможет прожить эту жизнь благополучно, его десять жизней страданий, возможно, закончатся.

— А ты? — вдруг спросил И-и. — Что ты собираешься делать?

— У каждого своя дорога... — Тань Чжифэн спокойно улыбнулся. — У меня же есть вы.

— Чжифэн, — тишину между ними нарушил Сюй Гань. Он вошёл и сказал Тань Чжифэну: — Вечером закрой лавку. Сходим за вином, выпьем.

— Нет, нет, я не пью, — поспешно сказал Тань Чжифэн. Подумав, он предложил Сюй Ганю: — Давай так. Я закрою лавку, ты с Лин-эром и мы все вместе хорошо поужинаем. Отпразднуем получение купчих, как тебе?

— Хорошо, — на красивом лице Сюй Ганя появилась улыбка. Он похлопал Тань Чжифэна по плечу и ушёл. У двери он приказал И-и: — Деньги у тебя, бери и трать.

Как только Сюй Гань ушёл, Тань Чжифэн подбежал и, стиснув зубы, потряс И-и:

— Зачем ты взял его деньги? Сколько?

И-и прижал руку к толстой пачке банкнот на груди:

— Кхм! Немного... это то, что он... он заработал на цзюэди... вам придётся экономить...

Небо постепенно темнело. Стук строительства в соседнем дворе становился всё тише, оставались лишь редкие удары. На тёмно-синем небе алела вечерняя заря, и многослойные высокие здания и черепичные крыши Кайфына превращались в размытые чёрные силуэты.

Вечерний барабан гулко разносился по городу, протяжно и торжественно, разделяя день и ночь. День закончился, наступила ночь.

И-и, неся два больших пакета с продуктами, дыша на холодный воздух, вошёл в дом:

— Тань Чжифэн, зачем ты столько всего купил? И обязательно говяжью вырезку, ты знаешь, сколько стоит этот маленький кусочек мяса?

— Проблема с арендой решена, разве не стоит отпраздновать? — Тань Чжифэн улыбнулся и забрал у И-и все пакеты. Чанчан учил Лин-эра писать, поэтому Тань Чжифэн сам пошёл на кухню и начал разбирать продукты, которые принёс И-и.

Он только разложил всё по местам, как дверь снова хлопнула, и вошёл Сюй Гань с большой плоской сковородой в руках. Лин-эр, кажется, узнал его шаги, встал и наощупь подбежал:

— Папа, ты вернулся.

Сюй Гань поднял Лин-эра и, подойдя на кухню, поставил сковороду у печи:

— Чжифэн, вот сковорода, которую ты просил.

Тань Чжифэн как раз клал говядину на доску и аккуратно нарезал её на толстые ломтики. Кусок, который выбрал И-и, был нежным, как масло, с лёгким блеском, и идеально подходил для задумки Тань Чжифэна: жир и мясо чередовались, постное было ярко-красным, а жирное — белоснежным, распределено очень равномерно. Ломтики, уложенные друг на друга на тарелке, вызвали желание съесть их сырыми.

Услышав голос Сюй Ганя, Тань Чжифэн обернулся. В то время качество чугунных сковородок часто было не на высоте, но та, что принёс Сюй Гань, была довольно хорошей, по крайней мере, для сегодняшнего вечера подходила. Сюй Гань снова осмотрел скромную кухню Тань Чжифэна и сказал:

— Завтра ходим ко мне, посмотрим, что ещё можно использовать, и заберём.

— Не нужно, — сказал Тань Чжифэн. — Места мало, столько всего не поместится. Есть сковорода, печь и жаровня — для нынешних клиентов этого достаточно.

Сюй Гань кивнул и, держа Лин-эра на руках, вышел. Лин-эр радостно нашёл Чанчана и показал Сюй Ганю всё, что они налепили из теста днём.

<http://bllate.org/book/14942/1323826>